

ВЛАДИМИР ГЛЕБОВ

Родился в 1969 г. в г. Воткинске Удмуртской республики. Выпускник Тарского филиала ОмГПУ. Журналист, художник. Автор ряда персональных художественных выставок в Таре и Омске, участник коллективных всероссийских и международных художественных выставок. В альманахе «ГарЯне» публикуется впервые.

ЛЯРБЕД МАБЕРЕД ЛЯРНЕБ

После несытного завтрака в отеле мне захотелось чего-то более существенного. Кормежка по системе «all inclusive» не то чтобы плоха. Ничего плохого в твороге, кофе и булочке по утрам нет. Просто мало.

Беру полтинник и иду в прибрежное кафе. Крытая каменная терраса, пять-шесть столиков и манящие запахи. Небольшое заведение рассчитывалось на постояльцев отеля и местных жителей. И в тот ранний час я оказался его единственным посетителем.

Внизу пляж с крытыми соломой зонтиками и лежаками, белый песочек и синее, как моя жизнь, «Медитерениан си» – Средиземное море. Сел за столик, и тут же передо мной появился высокий улыбчивый араб лет 45. Он был три в одном – хозяин, повар и официант. Я спросил, что можно покушать, ну и выпить, конечно. Араб поинтересовался, кто я по национальности. Финн, швед или немец?

Русских тогда в Тунисе знали еще плохо, и я намеревался восполнить этот пробел.

Изъяснялись мы на смеси badinglishе и распальцовки.

– Русский, – говорю, – раша.

– Раша! – воскликнул араб. – Гуд! Водка?

– Не. Водки я и дома выпью.

Несколько слов о тунисской водке под странным названием «Буха».

Я уже успел попробовать этот отдающий резиной 28-градусный напиток. Невкусный, напоминает самый худший тарский самогон.

– Виски? Джин?

– Но. Тунизиян вайн.

– О-о, – он одобритительно закивал головой. Вот вино местное мне очень понравилось. Скинув ненавистных угнетателей французов в 50-е годы прошлого века, мавры охотно пользовались лучшим, что осталось от колонизаторов.

Например, винодельческими технологиями. Жаркое солнце Северной Африки насытило напитки своеобразным, неповторимым вкусом и ароматом. Красный «Магон», розовый «Шато-Морнаг», белый «Блан де Блан»... Стоят они 12 динар с ресторанным наценкой.

Рублей 300 по-нашему. Но таких вин я потом нигде не пробовал.

Я заказал бутылку «Магона». Араб принес и меню. С фотографиями блюд для удобства выбора. Мне приглянулись королевские креветки на гриле. Стоят тоже 12 динар. Но «завтрякать», как говорила моя бабушка, так «завтрякать». Работника средиземноморского общепита звали просто Моххамед, мое имя он выговаривал мягко, с ударением на последний слог:

– Влядимир.

В качестве бесплатной закуски к вину харчевник притащил мне тарелку с бутербродами. Кусочки багета, намазанные майонезом с огурчиком, оливками и чесноком. Отлично. Я налил стакан, выпил залпом, заел бутером. Мохаммед вопросительно смотрел на меня.

– Во! – я показал большой палец, и он удалился на кухню.

Настроение было великолепное. Лазурное море, ласковый ветерок. На пляж стали подтягиваться отдыхающие. Вода в конце мая для теплолюбивых европейцев была холодновата, и редко кто купался, предпочитая теплый бассейн у отеля. Загорающие стелили полотенца и загорали. На топчаны никто не ложился.

В ожидании креветок я потягивал винишко и опорожнил уже полбутылки, когда на террасу забрел плотный паренек в панаме. Он присел за столик рядышком и демонстративно загрустил. Разговорились. Паренька звали Амир.

Я предложил выпить. Амир отказался.

– Ноу клиент, ноу бизнес, – коротко резюмировал он свое настроение. Оказалось, он продает места под солнцем – топчаны. Но среди немногочисленных пляжников желающих покупать лежанки не было.

– Плохо работаешь, Амирка. Надо завлекать клиентов, говорить с ними.

– Что говорить?

– Ну, не знаю. Сделай женщинам комплимент, например. Кто вон те две дамы, не знаешь? Подойди и скажи им: «Ох...льные телки, плиз, купите топчан».

Амир оживился.

– Что сказать?

– Ох...льные телки. – повторил я по словам.

Он с восторгом кинулся вниз по ступеням, а я предвкушал веселье. Девушки выглядели славянками, и мне хотелось в этом убедиться.

– Ох...льная тёлка! – раздался его звонкий голос. Одна из лежащих девушек подняла каменное лицо в солнцезащитных очках и запустила в Амирку сланцем. Вторая подорвалась и сделала то же самое.

– Да пошёл ты!..

– Наши, – подумал я с удовлетворением.

Он увернулся от первого, второй попал в цель. Обескураженно посмотрел на меня, и тут до него дошло. Захохотал, погрозил пальцем. Не обиделся.

– Бед бой, – весело заявил он мне, поднявшись на террасу. – Саботаж мэн.

Амир крутил головой, сокрушаясь, как он так опростоволосился, и повторял: саботаж мэн. Его этот конфуз, видимо, позабавил не меньше моего. Мы разговорились.

– Чем у себя в стране занимаешься?

– Журналистом работаю.

– А я студент, летом вот на пляжах да отелях калымлю. Россия – большая страна. Ты из Москвы, Петербурга или Киева?

– Россия – это не только Москва и Питер, а Киев и вовсе Украина, а я из Сибири.

– Сибирь? – он вытаращил глаза и обхватил себя руками. – Колд!

– Ну, – говорю, – вери колд. Вот я и приехал погреться.

Бутылка моя тем временем опустела. И Мохаммед, наконец, торжественно принес мне огромное блюдо, на котором в листьях салата, в окружении лимончика и петрушки, посыпанные чесночком, лежало штук семь румяных жирных морских тараканов. Запах от них исходил умопомрачительный. Есть блюдо всухомятку было бы кощунством, и я понял, почему он так долго их готовил. Хитрый араб ждал, когда простодушный русский допьёт бутылку, точно зная, что под закуску еще закажет. О, пройдоха, как ловко раскусил меня. Но осилить еще пузырь? Тяжеловато!

И предусмотрительный араб принес уже початую, ополовиненную бутылку белого. Еще 6 динар, да и хрен с ним.

В общем, позавтракал я отменно. Да и собеседник Амир не давал скучать. Заметив, что я изрядно захмелел, он стал потешаться и корчить рожи.

– Амир, какие в ходу здесь комплименты, чтобы понравиться местным женщинам?

В глазах его блеснул огонек, и он произнес с расстановкой:

– Лярбед маберед лярнеб.

Я несколько раз повторил, заучил наизусть, как заклинание, и, слегка пошатываясь, отправился купаться. Хмель от местного вина легок, быстр и безболезнен. Спустя полтора часа от него и следа не остается. На обратном пути уточнил у Амира заветную фразу. Однако, отрезвев, почувствовал некий подвох.

Спросил у отельного бармена Юсуфа, с которым уже успел подружиться, подогнав ему пару календариков с видами родной Тары и россыпь российской мелочи, что это значит. В ответ Юсуф вытаращил глаза, хотнул и хлопнул себя по губам.

– Ха-а, маберед лярнеб...

– Можно ли такое говорить вашим женщинам?

Он неуверенно покрутил головой и спросил, кто меня научил. «Топчанщик Амир», – отвечаю. Он опять рассмеялся, а я пошел в номер.

– ...маберед лярнеб – за спиной донеслось, как Юсуф разговаривает со своим по-

мощником. Я обернулся, тот кивал головой и улыбался. Что же это за слова такие?

Но меня уже понесло. Я как заклинание повторял эту фразу.

– Лярбед маберед лярнеб!

Дело в том, что мне уже третий день не могли погладить брюки. Отличные льняные штаны, купленные мной в Омске перед отправкой, после дорожной сумки выглядели, как из одного места. Горничной, невысокой аборигенке лет 35, с хорошими формами, я долго объяснял, что мне нужно. Она кивала головой, соглашалась, но штаны не взяла, утюга мне не дала, лишь произнесла загадочное слово:

– Трикук.

Встретив арабскую женщину возле своего номера, я напомнил ей о прямых обязанностях. Она снова закивала головой:

– Трикук.

Видать, озорной джинн летал где-то поблизости, потому что неожиданно для себя я произнес:

– Лярбед маберед лярнеб.

Негодование моментально вспыхнуло в ее черных, как угли, глазах. Звонкая, как удар чеканщика, оплеуха запечатлелась на моем лице.

Ни хрена себе! Ну, Амирка. Ну, молодец, отомстил. А горничная посмотрела внимательно на меня. В глазах ее мелькнуло сочувствие, типа, не сильно ли вдарила. Потом она поднесла к моему лбу тыльную сторону ладони. Мол, перегрелся, ты парень, что ли? Потом весело захохотала и, вильнув задом, отправилась восвояси.

– Э, – окликнул я, – а штаны-то?

– Трикук, – твердо ответила она.

Брюки я погладил сам. Утюг нашел тем же вечером, а вот значение этих слов: «Лярбед маберед лярнеб» так и осталось для меня загадкой.